

TAMIRA

ОГНЕННАЯ
КАРА.
АКАДЕМИЯ

Тамира .

Огненная Кара. Академия

«Автор»

2026

. Т.

Огненная Кара. Академия / Т. . — «Автор», 2026

Велина Огнева поступает в Академию магии. На вступительном экзамене вместо левитации пера она поднимает в воздух стол вместе с деканом Некросом. Ректор Ветровей бледнеет: тридцать лет назад точно так же начудила ее бабушка Агата, едва не уничтожив западное крыло. Но Велина — не бабушка. Наверное. Четыре года учебы — это три сожженных кабинета, один легендарный нестораемый шкаф, который все-таки сгорел, и подпольный клуб «Алхимики без границ». Декан Некрос икает при одном ее имени, а магистр Громов берет девушку под личное крыло, пытаясь научить дозировать разрушительную мощь. Рядом — верный очкарик Мирослав и соперница Аглая, плетущая интриги. А еще — проваленный призыв фамильяра. Звонящая тишина. И слова Громова: «Ваш фамильяр тоже ждет». «Огненная Кара. Академия» — приквел романа «Травница поневоле, или Куда деть боевого мага».

© . Т., 2026

© Автор, 2026

Тамира .

Огненная Кара. Академия

Глава 1.

Стольград встретил Велину Огневу шумом, запахом угольного дыма и мокрой шерсти — накануне прошёл дождь, и город блестел лужами, в которых отражались высокие башни Академии. Она приехала одна, без сопровождающих, с потрёпанным чемоданом в одной руке и плетёной корзинкой в другой. Корзинку собирала бабушка — всю ночь пекла пироги с капустой и заворачивала их в чистое полотенце, пока Велина спала.

— В городе кормят по-другому, — сказала бабушка на прощание, сунув корзинку ей в руки. — Не как у нас. Я тебе с собой положила, чтобы ты сразу не голодала. И мантию не заляпай в первый же день. Люди смотрят.

— Я постараюсь, — пообещала Велина.

— И не тушись. Они там все умные, образованные, будут на тебя сверху вниз смотреть. А ты не смотри в ответ. Ты слушай.

— Что слушать?

— Себя. — Бабушка поправила выбившуюся прядь у неё надо лбом. У неё были сухие, морщинистые руки, но движения оставались точными — руки женщины, которая всю жизнь работала с травами, но когда-то умела и кое-что другое. — У тебя дар, Велина. Не как у других — огонь у тебя внутри. Горячий. Он может жечь, а может греть. Смотри, чтобы грел.

Велина тогда отмахнулась — слишком волновалась перед дорогой, чтобы вдумываться в бабушкины загадки. Но слова запомнила. Как запомнила и то, что бабушка никогда не рассказывала о своём прошлом. Оно было закрытой дверью — Велина знала, что дверь есть, но не знала, что за ней. И привыкла не спрашивать.

Бабушку звали Агата. Агата Огнева. В Глухомостье её знали как травницу — не магичку в официальном смысле, без диплома и лицензии, но с таким чутьём на травы и настойки, что к ней приезжали даже из соседних деревень. Никто в деревне не знал, что когда-то, очень давно, она стояла на пороге Академии — и переступила его. А потом её дар запечатали, и она вернулась домой с болью, о которой никогда не рассказывала.

Вступительные экзамены длились три дня. Первые два — письменные: теория магии, основы рунологии, классификация магических существ, базовые принципы зельеварения, история магических родов. Велина писала быстро, почти не задумываясь — бабушка годами скупала у заезжих торговцев старые учебники, и к пятнадцати годам Велина знала теорию лучше многих абитуриентов, готовившихся с репетиторами. Она не боялась вопросов — она боялась только одного: что её не допустят до практики. Что, увидев её оценки, скажут: «Теория — это прекрасно, но у вас нет дара. Извините».

На третий день, когда вывесили списки допущенных до практического экзамена, она нашла свою фамилию в первых строках. Сердце стукнуло так, что на мгновение перехватило дыхание. Допустили. Теперь главное — не опозориться.

Практический экзамен проходил в малом зале для испытаний — длинной аудитории с высокими потолками и окнами, выходящими во внутренний двор. Вдоль стен стояли пустые столы для будущих экспериментов, а в центре, на возвышении, уже сидела приёмная комиссия: трое преподавателей и ректор, которого Велина раньше видела только на портрете в приёмной. Портрет не врал: архимагистр Теодор Ветровей действительно выглядел как человек, чьё терпение испытывали годами. Седые волосы, окладистая борода, посох из окаменелого дуба, усталый взгляд человека, повидавшего слишком много абитуриентов.

Рядом с ним сидел декан некромантии — магистр Некрос. Тогда, в день экзамена, у него ещё была пышная шевелюра, которую он, как выяснилось позже, очень берёт: мыл специаль-

ным отваром из семи трав, расчёсывал перед сном и никому не позволял к ней прикасаться. Он был относительно молод, амбициозен и смотрел на абитуриентов с плохо скрываемой скукой — до Велины.

Задание было простым. На столе перед экзаменаторами лежало перо. Обычное гусиное перо, даже не зачарованное. Нужно было поднять его в воздух с помощью левитации и удержать в течение трёх секунд. Простейшее заклинание, которое осваивают на первом уроке. Приёмная комиссия смотрела именно на контроль — как абитуриент управляет потоком магии, насколько точно дозирует силу, может ли вовремя остановиться.

— Огнева, — объявил секретарь, сверившись со списком.

Ректор, уже потянувшийся за стаканом воды, замер. Рука его дрогнула, и несколько капель пролилось на бумаги.

— Огнева? — переспросил он с интонацией, которая ясно давала понять: это имя он уже где-то слышал. И воспоминания эти были не из приятных. — Из Глухомостья?

— Да, архимагистр, — ответила Велина, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Ветровей медленно поставил стакан, не сводя с неё глаз. Потом перевёл взгляд на Некроса. Тот, не понимая причины заминки, пожал плечами.

— Архимагистр? — спросил Некрос. — Что-то не так?

— Огнева, — повторил ректор, пробуя фамилию на вкус, как пробуют старое вино, оказавшееся укусом. — Агата Огнева. Глухомостье. Это ведь ваша родственница?

Велина замерла. Откуда ректор знает бабушку?

— Это моя бабушка, — осторожно ответила она. — А вы... знакомы с ней?

Ветровей издал короткий смешок, в котором не было ни капли веселья.

— Я был в совете, который решал её судьбу, — сказал он. — Тридцать лет назад. Это был... запоминающийся день.

Некрос, начинавший скучать, внезапно оживился. Он перевёл взгляд с ректора на абитуриентку, потом обратно, и на его лице медленно проступило узнавание.

— Подождите, — произнёс он. — Агата Огнева? Это не та, из-за которой нас, младших ассистентов, подняли посреди ночи разбирать завалы в западном крыле? Я тогда только начинал преподавать и помню запах гари. И оплавленный камень. И девушку, которую уводили под руки...

— Та самая, — перебил Ветровей. — Именно та.

Некрос перевёл взгляд на Велину, и его лицо изменилось — скука исчезла, уступив место настороженности и профессиональному интересу.

— Значит, внучка, — медленно произнёс он.

— Внучка, — подтвердил Ветровей. — Будем надеяться, что она унаследовала только талант. А не его масштаб.

Он помолчал, глядя на Велину, и в его глазах читалось сложное чувство — смесь тревоги, любопытства и странной, почти отеческой заботы.

— Задание простое, — сказал он наконец. — Поднимите перо. Левитация. Три секунды. Никакой самодеятельности.

Велина подошла к столу. Положила обе руки на столешницу — для устойчивости, как учила бабушка. Сосредоточилась. Магия внутри отозвалась сразу — горячая и послушная, как прирученный зверь. Она мысленно потянулась к перу, представила, как обхватывает его невидимыми пальцами.

И подняла.

Перо взлетело. Вместе со столом.

Тяжёлый дубовый стол, за которым сидела приёмная комиссия, плавно оторвался от пола и завис в воздухе. Чернильница накренилась, и чернила выплеснулись Некросу на мантию —

тёмно-лиловую, парадную, которую он надевал только по особым случаям. Бумаги разлетелись по залу. Перо преспокойно парило в центре композиции, даже не думая падать.

Некрос вскочил, схватившись за мантию. Профессор рунологии, сидевший с краю, отъехал на стуле к стене и прикрылся программкой — сработал инстинкт самосохранения.

Ректор не шелохнулся. Он сидел, глядя на зависший перед ним стол, и на его лице застыло выражение человека, который только что увидел призрак — и призрак оказался точь-в-точь таким, каким он его запомнил.

— Огнева! — рявкнул Некрос. — Что это было?!

— Левитация, — ответила Велина спокойно. — Вы сказали поднять перо. Я подняла.

— Вы подняли стол! Экзаменационный стол! Вместе с нашими записями! И моей мантией!

— Перо тоже поднялось, — заметила она. — Значит, задание выполнено. Разве нет?

Некрос открыл рот, закрыл и издал сдавленный звук. А потом икнул. Один раз. Другой. Третий. Призрак прошлого, о котором он не вспоминал много лет, стоял перед ним — только теперь в виде внучки, и она левитировала мебель с тем же разрушительным изяществом, с каким её бабка когда-то призывала огонь.

Ректор, не обращая внимания на икающего декана, продолжал смотреть на Велину.

— Вы не могли бы опустить стол? — вежливо спросил он. — А то мы не можем продолжать экзамен.

Велина кивнула — и стол рухнул на пол. Чернильница, к счастью, больше никого не задела. Некрос машинально проверил волосы. Пока целы.

— Берём, — сказал ректор. — Однозначно берём.

— Архимагистр! — икнул Некрос. — Она! Стол! Икота!

— Я знаю, — ответил Ветровей. — Я видел. И именно поэтому берём.

Он дождался, пока секретарь выпроводит Велину в коридор, и только потом повернулся к Некросу.

— Что вы об этом думаете? — спросил он тихо.

Некрос перестал икать и медленно опустился на стул.

— Я думаю, — произнёс он, — что сила у неё такая же, как у бабки. Мощностъ невероятная, контроля — никакого. Если мы не научим её дозировать...

— То история повторится, — закончил Ветровей. — Я знаю.

— И что вы предлагаете?

— Учить. С первого дня. Контроль, дозирование, основы безопасности. Я приставлю к ней лучших преподавателей. — Он помолчал. — Вы, Некрос, будете вести у неё зельеварение. Вы уже пережили одного Огнева — переживёте и второго.

Некрос медленно поднял на него глаза.

— Архимагистр, — сказал он с абсолютно серьёзным лицом, — я, пожалуй, заведу шляпу. На всякий случай.

Ветровей вздохнул, потёр висок и молча кивнул. Потом вышел в коридор, где всё ещё стояла Велина. Девушка смотрела на него настороженно — она уже поняла, что сделала что-то не то, но ещё не понимала, что именно.

— Огнева, — позвал ректор. — Задержитесь на минуту.

Он подошёл ближе и заговорил — тихо, так, чтобы слышала только она.

— Ваша бабушка была одной из самых сильных адептов огня, которых я когда-либо видел. Её приняли в Академию. Она блестяще училась. Но на третьем курсе, во время практического экзамена по призыву, что-то пошло не так. Она вызвала огненного духа. Не учебного — настоящего. Древнего. И не смогла его упокоить.

Он замолчал. Велина видела, что каждое слово даётся ему с трудом.

— Могли погибнуть люди, — продолжил он. — Много людей. Студенты, преподаватели — все, кто был в тот день в западном крыле. Каким-то чудом духа удалось загнать обратно, но после этого совет академии принял решение: дар Агаты должен быть запечатан. Он был слишком силён, слишком неуправляем, и никакое обучение не могло это исправить. Ей предложили выбор: печать или отчисление с запретом на любую магическую практику. Она выбрала печать. И ушла.

Велина молчала. Она думала о бабушке — о её сухих, морщинистых руках, которые когда-то могли вызывать огненных духов. О старых учебниках, которые та скупала у торговцев. О том, как она учила её теории — но никогда не показывала практику. Никогда.

— Она знает, что я здесь? — спросила Велина.

— Не знаю, — ответил ректор. — Но если знает и всё равно отпустила вас — значит, она верит, что вы справитесь. А я верю ей.

Он развернулся, собираясь уходить, но на полпути остановился и, не оборачиваясь, добавил:

— И ещё. Ваша бабушка на вступительном подожгла стол. Вы его подняли. Это прогресс. Велина невольно улыбнулась — коротко, едва заметно. Ректор этого не увидел.

Она вышла во двор, шурясь от яркого солнца, и посмотрела на корзинку с остатками пирогов. Пироги уже остыли, но всё ещё пахли домом. Бабушка знала, что она едет в Академию. Знала, что её там могут узнать. И всё равно отпустила. Ни слова не сказала о том, что случилось тридцать лет назад. Не предупредила. Не попыталась отговорить.

«Смотри, чтобы грел», — вспомнила Велина.

И впервые поняла, что бабушка имела в виду не только огонь.

Где-то в Глухомостье старая травница Агата Огнева заваривала чай с мятой и думала о том, как там её внучка. Она не знала, что ректор Ветровей только что вписал фамилию Огневых в историю Академии во второй раз. Но догадывалась. И, возможно, именно поэтому чай в тот день получился особенно душистым — а рука, державшая чашку, чуть заметно дрожала.

А в Академии архимагистр Теодор Ветровей сидел в опустевшем зале, потирал висок и смотрел на пустой экзаменационный стол.

— Четыре года, — сказал он в пустоту. — Четыре года. Считаем дни.

Он взял со стола личный блокнот в кожаном переплёте, который вёл уже много лет, открыл чистую страницу и сделал первую запись:

«Выпускной — через четыре года. Считать дни».

Некрос, всё ещё сидевший в углу и проверявший сохранность своей шевелюры, поднял голову.

— Я всё-таки заведу шляпу, — тихо сказал он.

— Я уже слышал, — отозвался Ветровей и закрыл блокнот.

Так началась история Велины Огневой в Академии Высших Магических Искусств.

Глава 2.

Прошло три месяца с начала учёбы. Академия успела примерить осень: плющ на северной стене стал багряным, а воздух в аудиториях — по-осеннему влажным, пахнущим прелой листвой, сушёными травами с учебных полей и дымом из каминов, которые топили по вечерам. Велина освоилась быстрее, чем ожидала. Она выучила не только план здания, но и время обходов коменданта, пароль в закрытое крыло (по чистой случайности — подслушала, когда два старшекурсника обсуждали его в библиотеке), имена всех преподавателей и их слабые места. Последнее — на всякий случай.

Зельеварение стало её любимым предметом. Не потому что нравился преподаватель — с Некросом у них установились сложные отношения, в которых она была источником головной боли, а он — страдающей стороной, — а потому что это было интересно. В зельеварении всё

было точным и одновременно допускало вариации. Пропорция, температура, время настаивания, фаза луны, качество ингредиентов — и результат менялся. Иногда неожиданно. Иногда взрывоопасно.

Сегодняшняя лекция была посвящена зелью роста. Аудитория 307 — просторное помещение с высокими сводами, каменными столешницами и пучками сушёных трав под потолком. Травы шелестели от сквозняка, напоминая Велине бабушкину кладовку в Глухомостье. Только здесь они были развешены не как попало, а строго по алфавиту — Ухта, если бы она здесь училась, одобрила бы. За окнами шумел ветер, гоня жёлтые листья, а в камине у задней стены потрескивали дрова.

Велина сидела в третьем ряду, положив перед собой учебник, пергаменты и старый блокнот в потрёпанной обложке. В блокноте уже была запись: «Аудитория 307. Вентиляция хорошая. Проверила».

Магистр Некрос вошёл ровно в девять. Он был в синей преподавательской мантии, волосы уложены с обычной тщательностью — видимо, отвар из семи трав сегодня был особенно удачен. Во взгляде читалась уверенность. Увидев в третьем ряду Велину, он чуть заметно вздохнул — тихо, одними уголками губ, — и продолжил путь к кафедре.

— Доброе утро, — сказал он. — Сегодня мы начнём с простого рецепта. Зелье роста для растений, также известное как «Ростовар» или «Живая вода» в деревенском обиходе. Стандартный состав: три части родниковой воды, одна часть экстракта корня мандрагоры, собранной на молодой месяц, две капли эссенции утренней росы, щепотка молотого кварца. Пропорции нарушать нельзя. Это написано на странице сорок три вашего учебника.

Велина подняла руку.

Некрос замер. После трёх месяцев знакомства он научился относиться к поднятой руке этой студентки с той же тревогой, с какой деревенские травницы относились к крику ночной птицы — вроде бы ничего особенного, но лучше перестраховаться.

— Да, госпожа Огнева?

— А что будет, если изменить пропорции?

— Ничего хорошего, — отрезал Некрос. — Зелье станет нестабильным, начнётся реакция с выделением пара, возможно возгорание. В лучшем случае вы испортите ингредиенты. В худшем — подпалите себе брови. Никогда так не делайте.

— А почему? — не унималась Велина. — Теоретически, если уменьшить долю кварца, реакция должна быть мягче. А если добавить больше эссенции утренней росы — зелье может работать быстрее. У нас в деревне травницы часто меняют пропорции, если нет нужных ингредиентов. Бабушка говорила, что важнее понимать принцип, чем слепо следовать рецепту.

Некрос прищурился. Упоминание бабушки заставило его на мгновение замереть, но он быстро взял себя в руки.

— Теоретически, — сказал он, — вы сейчас рассуждаете о вещах, которые изучают на третьем курсе. Практически — ваша бабушка, при всём моём уважении к деревенским травницам, однажды тоже отошла от рецепта. И последствия были... значительными.

По аудитории пронёсся лёгкий шёпот. Велина почувствовала, как несколько пар глаз уставились на неё.

— Но зелье-то у неё получилось, — тихо заметила она.

— Зелье получилось, — согласился Некрос. — А западное крыло восстанавливали полгода. Поэтому давайте пока ограничимся стандартным рецептом.

Велина кивнула и опустила руку. Но в блокноте появилась запись: «Уменьшить кварц. Увеличить эссенцию. Проверить. Не в западном крыле».

Лекция прошла спокойно. Некрос говорил о классификации зелий — от простых настоев до сложных составов, требующих лунного цикла. О том, чем отличается зелье, настоящее на

ключевой воде, от того, что готовили на дождевой. О том, почему корень мандрагоры нужно выкапывать только серебряной лопаткой и почему это не суеверие, а техника безопасности.

Велина записывала почти всё. Она уже представляла, как можно улучшить описанные рецепты, и к концу лекции у неё в блокноте было три страницы пометок.

После лекции студенты потянулись к выходу. Велина задержалась.

— Госпожа Огнева, — произнёс Некрос, не поднимая глаз от своих записей, — если вы планируете остаться в лаборатории после отбоя, я настоятельно рекомендую вам этого не делать.

— Я просто хочу проверить кое-что, — честно ответила она.

Некрос поднял глаза. Посмотрел на неё долгим взглядом, в котором читалась обречённость.

— Я зайду через час. Если что-то загорится — немедленно прекращайте. Если что-то задымится — открывайте окна. Если что-то зашипит — бегите.

— А если всё пойдёт хорошо?

— Тогда я удивлюсь, — сказал Некрос и вышел.

Вечером, когда коридоры опустели и светляки под потолком перешли в ночной режим — тусклое, приглушённое свечение, — Велина прокралась в лабораторию. На каменном столе она расставила ингредиенты: экстракт корня мандрагоры в тёмном пузырьке, эссенцию утренней росы, собранной, как гласила этикетка, на заре Купальской ночи, молотый кварц, похожий на растолчённый лёд. Сверилась с записями в блокноте. Глубоко вздохнула.

Изменить пропорции она решила осторожно: кварца — половину от нормы, эссенции — вдвое больше. Если расчёты верны, зелье должно получиться мягче, но быстрее. Она зажгла горелку — не магией, а простым огнём, как учили на первом занятии, — и поставила колбу с родниковой водой. Когда вода закипела, добавила экстракт мандрагоры. Жидкость стала зеленоватой, и по лаборатории поплыл запах — влажный, земляной, почти лесной. Так пахло в бабушкиной кладовке, когда та заваривала травяные сборы.

Потом она добавила эссенцию утренней росы. И вот тут всё пошло не так.

Зелье в колбе забурлило, меняя цвет с зелёного на ярко-оранжевый — цвет осеннего заката. От поверхности начал подниматься пар — густой, сладковатый, пахнувший весенней травой и чем-то едким, как дым от сырых дров. Велина поняла, что пропорции она промахнулась, и потянулась к колбе, чтобы снять её с огня. Но пар уже заполнил пол-лаборатории.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял магистр Некрос — в домашней мантии, с кружкой чая в одной руке, с гримуаром под мышкой. Он зашёл проверить, кто остался в лаборатории после отбоя. Где-то в глубине души он знал, кто именно. И всё равно надеялся на лучшее.

— Огнева! — рявкнул он. Кружка выпала из рук, чай разлился по каменному полу.

В этот миг зелье выплеснулось из колбы прямо на столешницу, а едкий пар накрыл Некроса с головой. Он закашлялся, отшатнулся и врезался спиной в дверной косяк. Велина бросилась открывать окно — и вовремя: пар потянуло на улицу, в лаборатории стало легче дышать.

Через минуту стало ясно: лаборатория уцелела. Колба треснула, стол был залит оранжевой жидкостью, но пожара не случилось. Некрос стоял, привалившись к стене, тяжело дыша и держась за голову. Пар был не ядовитым — только едким. И ещё он имел неожиданный побочный эффект.

Велина обернулась — и замерла. Некрос с ужасом смотрел на свою ладонь, на которой лежали выпавшие пряди волос. Его шевелюра, которую он холил годами, которую мыл отваром из семи трав, которую расчёсывал перед сном, — поредела. На макушке образовалась аккуратная проплешина, словно проплешина на старом мшистом камне. Небольшая, но заметная.

— Огнева, — произнёс он голосом, каким в деревнях заговаривают рассерженного домового. — Вы понимаете, что могли кого-нибудь убить?

— Я понимаю, что вы живы, — ответила Велина, и в её голосе прозвучало искреннее облегчение. — И ещё я понимаю, что зелье сработало. Посмотрите.

Она указала на дальний угол лаборатории, где стоял горшок с чахлым цветком — несчастная герань, забытая здесь ещё с прошлого семестра. На неё попала капля зелья. Всего одна капля. И теперь герань пробилась сквозь каменный пол. Корни, толстые и узловатые, как у столетнего дуба, разорвали плиты, и ярко-зелёные листья тянулись к потолку, источая запах — свежий, пряный, почти волшебный.

Некрос посмотрел на цветок. Посмотрел на свою ладонь. Снова на цветок. Открыл рот. И икнул.

— Я... ик... — Он икнул снова. — Это... ик... невозможно.

— Я изменила пропорции, — быстро заговорила Велина, хватая блокнот. — Кварца — половина, эссенции — вдвое больше. Реакция пошла быстрее, но побочный эффект — выделение едкого пара. Я думаю, если добавить стабилизатор, можно убрать пар. И тогда зелье будет работать втрое быстрее стандартного.

— Стабилизатор... ик...

— Да. Что-то нейтральное. Мел, например. Или толчёная яичная скорлупа. У нас в деревне так делают, когда зелье слишком сильное выходит. Бабушка всегда добавляла щепотку мела в настойку от кашля, чтобы горло не жгло.

Некрос замолчал. Он смотрел на неё — чумазую, взлохмаченную, с блокнотом в руках, — и в его груди боролись два чувства. Педагогический ужас, возвращённый тридцатью годами преподавания и одной конкретной Агатой Огневой. И профессиональное любопытство, которое он сам испытывал когда-то, когда только начинал.

— Идите спать, Огнева, — сказал он наконец. — Завтра зайдите ко мне. Будем решать, что с вами делать.

— А что с волосами? — спросила она, и в её голосе прозвучало искреннее участие.

Некрос машинально потрогал проплешину, вздохнул и ничего не ответил. Только икнул ещё раз, когда она закрывала за собой дверь.

На следующий день первокурсники заметили, что магистр Некрос ведёт лекцию в капюшоне, низко надвинутом на лоб. От него пахло ромашкой, мятой и успокоительным отваром. А ещё он икал — не постоянно, а каждый раз, когда натёкался взглядом на третий ряд, где сидела Велина с неизменным блокнотом в потрёпанной обложке.

Ректор Ветровей, получив утренний отчёт, прочитал описание инцидента, посмотрел на цифры ущерба (треснувшая колба, испорченная столешница, один горшок, который теперь придётся выламывать из пола вместе с каменной плитой), вздохнул и открыл календарь. Он помедлил, вспоминая, сколько прошло с начала учебного года — три месяца, — и сделал новую запись.

«Выпускной — через три года и девять месяцев. Считать дни. Некросу — премию за вредность. Огневу — не отчислять, талант. Хотя западное крыло до сих пор помнит Агату».

Где-то в Глухомостье старая травница Агата Огнева в тот день заварила чай с мятой и ромашкой — тот самый сбор, который обычно пьют, когда хотят успокоиться. Она не знала, что случилось в Академии. Но догадывалась. И тень улыбки коснулась её губ.

Велина в тот же вечер сделала в блокноте ещё одну запись: «Достать толчёную яичную скорлупу. И мел. И проверить на ком-нибудь, кто не магистр».

Глава 3.

Зимний экзамен по боевой магии был назначен на середину декабря — самое тёмное и холодное время года, когда коридоры Академии продувались сквозняками, а окна покрыва-

лись ледяными узорами, похожими на рунные письмена. Студенты кутались в мантии, накинутые поверх свитеров, и старалисьшний раз не выходить во внутренний двор, где ветер гулял с такой силой, что сбивал с ног. В каминах аудиторий круглосуточно горел огонь, и по Академии плыл запах смолы, горячего камня и сушёных трав — преподаватели жгли полынь и можжевельник, отгоняя зимнюю нечисть, которая в это время года становилась особенно назойливой.

Велина холода не боялась. Её внутренний огонь грел лучше любой мантии — она уже научилась распределять тепло так, чтобы не потеть на лекциях и не мёрзнуть на полигоне. Это было одно из немногих умений, которые давались ей легко и без побочных эффектов. В отличие от всего остального.

Полигон для боевой магии находился на восточной окраине Академии — отдельно стоящее здание, сложенное из массивных серых блоков, потемневших от времени и магических попаданий. Его построили больше ста лет назад специально так, чтобы выдержать огненный шар максимальной мощности. С тех пор его ремонтировали восемь раз. Последний — три года назад, после того как один студент-четверокурсник решил испытать новое заклинание. Обошлось без жертв, но восточную стену пришлось перекладывать заново. Велина слышала эту историю и считала её воодушевляющей.

Внутри полигон напоминал пещеру — высокие своды, грубые каменные стены, гулкое эхо, разносящее каждый звук. Вдоль стен стояли учебные манекены — деревянные фигуры в человеческий рост, зачарованные на саморемонт. После каждого попадания они должны были восстанавливаться в течение минуты. На практике этот срок часто затягивался. Манекены выглядели так, будто пережили не одно сражение: у одного не хватало руки, у другого была трещина через весь корпус, третий держался исключительно на честном слове и остатках магии.

В центре зала стоял несгораемый шкаф.

Это был легендарный артефакт. Его изготовили больше тридцати лет назад лучшие артефакторы Академии по заказу тогдашнего ректора — того самого, который когда-то сказал про Агату Огневу: «Пусть идёт, может, одумается». После случая с огненным духом ректор распорядился создать шкаф, способный выдержать любой магический удар. Его зачаровывали всем составом кафедры артефакторики, читали над ним защитные заклинания, пропитывали огнеупорными составами и в итоге объявили абсолютно несгораемым. С тех пор он стоял на полигоне, храня запасные манекены и являя собой символ несокрушимости.

Магистр Громов, преподаватель боевой магии, любил этот шкаф. Он вообще любил всё, что было сделано на совесть: добротное оружие, надёжные доспехи, простые и эффективные заклинания. Сам он был человеком крупным, широкоплечим, с седым ёжиком волос на голове и командным голосом, который перекрывал любой шум. Ходили слухи, что в молодости он служил в пограничных войсках и оттуда принёс не только шрамы, но и манеру говорить коротко и по делу.

Сегодня он стоял перед строем первокурсников, уперев руки в бока, и оглядывал их так, как генерал оглядывает новобранцев перед первым сражением. Студенты выстроились вдоль стены, стараясь держаться подальше от манекенов — никто не хотел случайно оказаться на линии огня.

В самом конце строя, там, где тени от колонн были гуще всего, стоял парень. Он был одет в простую мантию без знаков факультета — такие выдавали тем, кто ещё не прошёл распределение, — и старался не привлекать внимания. Велина заметила его краем глаза и нахмурилась: ей показалось, что она уже видела этого парня раньше. Мельком, в толпе абитуриентов на вступительных экзаменах, а потом ещё раз — в коридоре после лекции по зельеварению. Он всегда был один, всегда на отшибе, и никогда не заговаривал первым.

Звали его Зигфрид, и он не был студентом. Точнее, был — по документам, которые обошлись его нанимателям в круглую сумму, — но на самом деле он находился здесь с другой целью. Он не смотрел на Громова. Он смотрел на Велину. В его взгляде не было ни страха, ни восхищения — только холодный, цепкий интерес. Потом он опустил глаза и сделал короткую пометку в маленькой записной книжке, спрятанной в рукаве. Запись была сухой, как бухгалтерский отчёт: «Огнева В. Уверенный контроль речи. Жестикаляция сдержанная. Предположительно — высокая магическая мощь. Требуется подтверждение».

— Сегодня экзамен, — объявил Громов. Голос прокатился под сводами и вернулся эхом. — Задача простая. Огненный шар. Стандартного размера. По мишени. Мишень — вон тот манекен у дальней стены. Демонстрируете точность и дозирование. Кто подпалит что-нибудь кроме мишени — пересдача. Кто подпалит меня — отчисление. Вопросы?

Вопросов не было. Студенты нервно переглядывались. Для большинства это был первый серьёзный экзамен, и ставки были высоки. Велина стояла в середине строя и мысленно повторяла заклинание. Она знала его наизусть и могла бы прочитать даже во сне. Проблема была в другом: она никогда не умела делать «стандартно».

Первые пять человек отстрелялись нормально. Огненные шары вылетали — небольшие, аккуратные, — попадали в манекен, тот покачивался, но удерживал равновесие. Громов кивал, делал пометки в журнале и вызывал следующего.

— Огнева.

Велина вышла вперёд. В полигоне было холодно, но её ладони горели. Она встала на отметку, подняла руку и начала читать заклинание.

И в этот момент воздух вокруг неё изменился.

Сначала это было почти незаметно — лёгкое дрожание, как марево над нагретой землёй. Но через секунду дрожание усилилось. Воздух вокруг поднятой руки Велины пошёл волнами — не от жара, а от силы, которая рвалась наружу. Каменные плиты пола под её ногами начали едва заметно вибрировать, а мелкие песчинки на них подпрыгивали в такт невидимой волне. Где-то наверху, под сводами, тревожно загудели защитные амулеты — те самые, что должны были срабатывать только при критических перегрузках.

Громов нахмурился. Он видел такое раньше. Давно. Не в Академии.

Зигфрид, стоявший в тени, чуть заметно подался вперёд. Его рука скользнула в рукав и сжала записную книжку. Он не записывал — он ждал.

Магия внутри Велины не хотела ужиматься до стандартных размеров. Она рвалась наружу, горячая и мощная, и требовала простора. Велина попыталась её сдержать — и на долю секунды ей это удалось. Шар получился почти нормальным. А потом она отпустила контроль.

Шар вырвался — яркий, белый в сердцевине, с золотыми и алыми всполохами по краям. Он прочертил дугу через весь полигон, и на мгновение в зале стало светло, как в летний полдень. Тени заматались по стенам, кто-то из студентов прикрыл глаза рукой. Шар попал точно в манекен, пробил его насквозь, разнес в щепки, и врезался в несгораемый шкаф.

Шкаф вспыхнул.

Пламя взметнулось до сводов, лизнуло камень. Защитные амулеты наверху зазвенели в полную силу, кто-то вскрикнул. А потом шкаф, который тридцать лет стоял несокрушимым, который пережил дракона, восемь ремонтов полигона и бесчисленное количество студенческих ошибок, начал оседать. Он не взорвался, не разлетелся — просто прогорел насквозь, как старая деревяшка, забытая у костра.

Когда дым рассеялся, стало видно: в задней стенке шкафа зияет отверстие размером с хороший арбуз. Края его ещё светились оранжевым. Внутри, среди обугленных остатков запасных манекенов, что-то тихо потрескивало, и тонкая струйка дыма поднималась к сводам.

В наступившей тишине было слышно, как где-то капает вода.

Зигфрид не шевелился. Он смотрел на дымящийся шкаф, и в его глазах впервые за всё время мелькнуло что-то, кроме холодного интереса. Удовлетворение. Он сунул руку в рукав и, не глядя, сделал короткую пометку: «Мощность подтверждена. Значительно выше стандартных показателей. Доложу».

Громов медленно повернул голову и посмотрел на Велину.

— Огнева, — сказал он.

Голос его был ровным. Очень ровным. Таким ровным, каким говорят люди, прошедшие войну и понявшие, что самое страшное ещё впереди.

— Да, магистр?

— Вы знаете, что это был несгораемый шкаф?

— Мне говорили.

— Он стоял здесь тридцать лет. Его зачаровывали лучшие артефакторы. Его дракон не брал. — Громов сделал паузу. Защитные амулеты под сводами наконец умолкли. — Что вы сделали?

— Я попала в мишень, — сказала Велина. — Манекен сгорел.

— Манекен сгорел, — повторил Громов. — И шкаф сгорел. Вы попали в манекен и сожгли несгораемый шкаф.

— Он стоял слишком близко, — не сдавалась Велина. — Если бы между манекеном и шкафом было больше расстояния, я бы попала только в манекен. Технически это проблема расстановки оборудования.

По шеренге студентов пронёсся нервный смешок и тут же оборвался. Громов открыл рот, закрыл и медленно выдохнул через нос. Он был боевым магом старой закалки и умел ценить хороший удар. И прямо сейчас он видел перед собой студентку, которая только что пробила несгораемый артефакт. Огненный шар такой силы, что технически это был уже не шар, а полноценное боевое заклинание, которое в пограничных войсках использовали против укрепленных позиций.

— Идите, — сказал он. — Зачёт.

— А шкаф? — спросил кто-то из студентов.

— Закажем новый, — ответил Громов, не сводя глаз с Велины. — Из особо несгораемого материала. Вдвойне.

Когда студенты начали расходиться, а Велина направилась к выходу, Громов подошёл к дымящимся останкам шкафа. Он присел на корточки — крикнул, потому что колени уже были не те, что в пограничных войсках, — и коснулся пальцами края оплавленного отверстия. Металл был ещё тёплым. По краям пробоины застыли капли — расплавленный металл, смешавшийся с остатками магии.

— Магистр? — к нему подошёл один из ассистентов, молодой парень с испуганным лицом.

Громов поднял голову. Его взгляд был тяжёлым. Он всё ещё смотрел туда, где только что стояла Велина.

— Найдите мне личное дело Огневой, — сказал он. — И составьте список всех её инцидентов. С первого курса. Включая вступительный экзамен.

— Вы думаете, это...

— Я ничего не думаю, — оборвал его Громов. — Я собираю факты. Идите.

Ассистент кивнул и торопливо вышел. Громов остался сидеть на корточках перед прогоревшим шкафом, вспоминая свои годы в пограничных войсках и тех немногих магов, что были способны на такую мощь.

А в коридоре, в тени колонны, Зигфрид закрыл записную книжку и сунул её обратно в рукав. Он не пошёл за остальными студентами. Вместо этого он развернулся и направился в восточное крыло, где находилась голубятня. У него было письмо, которое следовало отправить

как можно скорее. Его наниматели ждали отчёта. Они долго искали наследницу рода Огневых — и наконец нашли. Теперь оставалось только наблюдать. И ждать.

Вечером того же дня Велина сидела в библиотеке и записывала в блокнот: «Огненный шар. Усиление: работает. Побочный эффект: пробивает несгораемые шкафы. Примечание: не стоять слишком близко к ценным предметам. И проверить, кто тот парень в конце строя, — он странно смотрел. Мне кажется, я его уже где-то видела».

Ректор Ветровей, получив отчёт от Громова, прочитал его дважды, потёр висок и открыл календарь. Цифры неумолимо приближались к заветной дате. За окнами его кабинета падал снег — крупные хлопья кружились в свете магических фонарей, укрывая внутренний двор белым покрывалом. Ректор некоторое время смотрел на снег, потом перевёл взгляд на календарь и сделал запись.

«Выпускной — через три года и шесть месяцев. Считать дни. Громову — успокоительное за счёт Академии. Шкаф — заказать новый. Назвать „Огнеупорный“. Или „Огнева-упорный“. Подумать».

Интерлюдия.

Весна пришла в Академию шумно и бесцеремонно, как незванный гость на студенческой вечеринке. Снег, пролежавший на внутреннем дворе с декабря, в одну ночь превратился в серую кашу и потёк ручьями к сточным решёткам, оголяя прошлогоднюю брусчатку и жухлую траву. В коридорах запахло мокрым камнем, отсыревшими мантиями и чем-то цветочным — то ли зацветали деревья за окнами, то ли кто-то из старшекурсников разлил очередное экспериментальное зелье. Академия оттаивала, и вместе с ней оттаивали её обитатели: студенты стали рассеянее, преподаватели — раздражительнее, а комендант Тихон, старый служака с двадцатилетним стажем, проверял комнаты общежития вдвое чаще обычного. Весна всегда была для него беспокойным временем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.